АНАТОЛИЙ ИВАЩЕНКО

ДОРОГА ЗА ГОРИЗОНТ

Анатолий Иващенко

Дорога за горизонт

«Литературная Республика»
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Иващенко А.

Дорога за горизонт / А. Иващенко — «Литературная Республика», 2015

ISBN 978-5-7949-0519-9

«В этой книге собраны стихи, форму которых предположительно я назвал „Русский сонет“. Кроме точного повтора повторяемых „триолетных“ строк, есть – с импровизационными изменениями, инверсионными перестановками и другими трансформациями (образа и темы). <…> „Окно в небо“ и „Дорога за горизонт“ – это две части одной книги, напечатанные в разное время.»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0519-9

© Иващенко А., 2015
© Литературная Республика, 2015

Содержание

От автора	6
Бриз	7
«Один и тот же снится сон…»	8
«Пусть оживает древний миф…»	9
Мельпомена	10
«За одну интонацию боли шута…»	11
Покинутый город	12
Паровозный гудок	13
«Из амфоры мне шёпот слышится…»	14
Двуединость	15
Возвращение	16
Танцующая Синяя краска	17
Ирина	18
Человек с рыбой	19
К Талии	20
Талия[3]	21
Эльмира	22
Безответная реплика	23
«Смотреть со стороны на всё…»	24
Клио[4]	25
«Протяжно, внятно мраморное горло…»	26
Танцующая Чёрная краска	27
Терпсихора[5]	28
Затаённое дыхание	29
«Театр перераспределяет роли…»	30
Эрато[6]	31
В промежутке	32
Жара	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анатолий Иващенко
Дорога за горизонт

* * *

В оформлении обложки использована репродукция картины А. Головченко «Окно в галактику»

© Иващенко А., 2015
© Московская городская организация Союза писателей России
© НП «Литературная Республика»

От автора

В этой книге собраны стихи, форму которых предположительно я назвал «Русский сонет». Кроме точного повтора повторяемых «триолетных»[1] строк, есть – с импровизационными изменениями, инверсионными перестановками и другими трансформациями (образа и темы). Неизменно это касается 1,8 и 15 строк. «Твёрдая» архитектура сонетов выглядит симметрично – повторяемая строка появляется через каждые семь. Это самозвано явилось в черновиках, и потребовало своеобразной рифмологической организации.

2 катрен – имеет строение парных рифм, и заключение может читаться как отдельное русское восьмистишие. В этом и состоит различие с английским и франко-итальянским сонетами.

«Окно в небо» и «Дорога за горизонт» – это две части одной книги, напечатанные в разное время.

Художник, оформлявший разделы книг – Головченко Анатолий Константинович, является автором работ, специально написанных на определённые сюжеты. Здесь они не представлены, но в будущем планируется издание со всеми графическими работами.

Анатолий

[1] *Триолет* — «твёрдая» форма небольшого стихотворения, где одна строчка неизменно повторяется трижды в строгой последовательности, как правило – первая.

Бриз

Ночь уходит по бронзовой тропке заката,
лёгшей на воду, мне бы навстречу взлететь,
опрокинув мечты, звон пера и раскаты,
трижды перевернуться, оттенки стереть.

Впереди пол вселенной припало к воде,
и палящее солнце, прошедшее день,

как паломник, не может напиться из моря,—
ночь уходит, под эхо вчерашнего шторма.

Интригует, пленяет окрест тишина,
каждый миг угасанием света наполнен.
Как от горечи, сморщилась туч пелена,
и тропу золотят изумрудные волны.
И границею взгляда лежит горизонт,
за который под гул недовольный остатков,
ночь уходит латунною тропкой заката
в невесомый и дымный светящийся сон.

«Один и тот же снится сон…»

Один и тот же снится сон:
декор искусственного сада,
где дремлет сланцевый бизон
на падалицах камнепада.

И чувствую – что не один.
Вот тоги мраморной сатин.

Вот этой глыбе – имя – Стон.
Один и тот же снится сон:

я захожу в гранитный сад
неравнобедренных фигур,
геометрических баллад,
и незаконченных скульптур.
Столетья стёртое число
сопровождает каждый шаг.
И я смотрю чудесный сон.
И камню радостно дышать.

«Пусть оживает древний миф…»

Пусть оживает древний миф.
Актёр в игре всегда на грани.
Заглянем с трепетом на миг
к философам, рабам, тиранам…

Вот шмель – баском скрипичным кружит,
вот меч алмазный скалы рушит,

и бьётся ровно пульс Земли,
и оживает древний миф.

Поётся панегирик свету,
рокочет оперный тапёр,
пусть будет парус рваться ветром,
и – в стыке с молнией топор.
Пусть славят старцы вечно мирту,
рожденье саги и огня,
пусть оживают сцены мифа,
где Рока гул, и нет меня.

Мельпомена

Как латунную розу роняет цитату
венценосная муза, на нитях держа
веер, с тростью лорнет и, по локоть, в перчатках —
аллегории масок, – трактовка свежа —

в амбразуры порока глядящий рапсод,
и двуликая месть и фантазии плод,

полумаски позёра, ревнивицы, фата,
как латунные розы, роняя цитаты…

Полуправда подмостков, актёра мечта.
Обличенье порока, интриги, измены,
тонкогубых лукавств и желанного плена…
Снисхождение в жестах легко прочитать.
Не могу с мимолётной легендой расстаться
но изящная Дева, момент уловив,
как латунную розу, роняет цитату
и легко на глазах возвращается в миф.

«За одну интонацию боли шута…»

За одну интонацию боли шута
я готов подарить – оберег медальоном,
табакерку на память, стихи прочитать,
и – аплодисменты, по пояс поклоны.

Можно вновь перед зеркалом корчить улыбки,
поиграв на расстроенной старенькой скрипке,

можно долго в каптёрке за сценою ждать
интонацию боли, повторно, шута.

Там его закулисный волшебный чертог.
Наносное, лукавство, обиды забыты.
Улыбается вскользь молодой старичок,—
не изношены фразы, слова не избиты.
Там, на пыльном рояле подобье цветка,
рядом – круг, в нём трапециевидная мина…
На одну интонацию боли шута
я готов обменять панегирик Афине.

Покинутый город

Неизвестное тянет, влечёт к тупикам лабиринтов.
Город много забыл и заветные скомкал слова.
Собирайся по тропкам неведомым, неповторимым.
Первый шаг – это начата новая жизни глава.

Слышу азбуку скрипов, мне ветер доносит излишки.
Внеземная её параллель тянет выше, и выше.

Мы попробуем переиначить задумок просчёт.
Неизвестное тянет и тянет, в глубины влечёт.

Не забудем вчера, пусть мелькают знакомые лица.
Стала сладкою горечь, казалось, случайных потерь.
Обратилось привычное имя прекрасною птицей
и печаль за плечами бредёт, как невидимый зверь.
Город надо забыть, научиться листать послезавтра.
Пусть границы размыты, неделям теряется счёт.
Неизвестное тянет, в свои лабиринты влечёт,
и готов к поединкам безжалостным импровизатор.

Паровозный гудок

Спираль шмеля, разрушенный пион
иллюзии, играющие в прятки…
Претят соблазнам: стук со всех сторон
и преданность, способная отпрянуть.

Вступив в штрихи чугунных недомолвок,
скользить в противоречиях бы ловко.

Пока не сменят ритмы: скрежет, звон,
спираль шмеля, разрушенный пион.

Вступить как в незаконченный рассказ,
где связи эфемерные не рвутся
и, как в силках, запуталась тоска
наложницею парадоксов русских!
Откуда этот вытянутый стон?
Всего то – лязг вагонов, хляби станций,
спираль шмеля, разрушенный пион
и дышащее всё непостоянством.

«Из амфоры мне шёпот слышится…»

Из амфоры мне шёпот слышится: «Поэт!
Глотай Вселенной пыль, обрывки эпитафий,
Лауры лепет, и молитвенный завет,
и раковины полутон, и гул литавры…»

То полушёпот римлянки, то отзыв скифа…
Словарь полунамёков, призвуков раскидан.

Мне глиняная амфора даёт совет:
«давай перелистаем горизонт, поэт»,

чтоб оказаться на руинах перекрёстка,
внимая шелестам былых библиотек,
поймать укор строки упругой, вывод хлёсткий:
мы всё не так, и не о том, и не о тех.
Мелькают имена рапсодов, масок, кукол.
Их орденская курия и высший свет
сдвигаются, и шёпот слышится: «Поэт,
ты можешь пеплом стать в плену у звуков…»

Двуединость

Моё открытие земного Рая,
в тебе другая женщина живёт!
Я слышу бег секунд наоборот,
и вижу, как талантливо играя,

одна – хранит в молчание восторг,
глотая фуги баховской аккорд,

секреты честно бережёт вторая —
моё открытие земного Рая,

Прекрасно заболеть одной чертой,
наклоном лёгким, откровенной позой,
воспитанной гармонией, рукой,
заканчивающейся синей розой!
Люблю тебя за дружеский союз,
за осторожный слог, за увлеченья,
за приключения в земном Раю,
моё предначертанье, предпочтенье!

Возвращение

Секунды растянуты, крошится камень в песок.
У кромки волны мимолётностью час остановлен.
Не время ещё, день – от полночи – на волосок.
Крик крачки становится возгласом, всплеск – полусловом.

Религией света означены звёздные ночи.
Ракушечником ползёт с замиранием строчка.

Терпенье воспитано. Выполнен данный зарок.
Пусть волны цветут, и – раскрошится камень в песок.

Следы на воде увлекают в свинцовую даль,
магнитная нить горизонта волнуется грудью.
Причалов вздыхающих помнится мне череда,
уставших судов молчаливые чту пересуды.
Ещё с полчаса, – и очнётся от дрёмы восток.
Ветра устремятся в различные стороны света…
Секунды растянуты, крошится камень в песок.
Но пусть не спешит наступать долгожданное лето.

Танцующая Синяя краска

Дробят пуанты дробное «touché».
Пронзительна. Она не ищет пару.
Искусно эпителии муара
подчёркивают не случайный жест.

Глядит на всех внимательно и скромно.
Она, лелея лёгких взлётов кромку,

не устаёт в движеньях хорошеть,
легко исполнив дробное «touché».

Близки ей: жиги бриза, блюзы дна,
Лауры тога с нитью Ариадны,
и в скалах грот, где прячется луна
и в пыль морскую вмешана лаванда.
Балетный шаг исполнив, может жечь,
ряды партера взглядами листая,
вмешать в батман подробное «touché»,
живущее на сцене вечной тайной.

Ирина

Ире К.

Можно с призраком шептаться,
в мир придуманный войти,
узелком судьбы остаться,
прочитав спонтанно стих.

Мне виденье дарит дом,—
с веткой огненной ладонь.

Можно в локонах плескаться,
с привидением шептаться.

Можно верить и не верить,
заблуждаться, полюбить,
невесомостью измерить
завихрение судьбы,
и – самим собой остаться,
и – затменье обрести…
Буду с призраком шептаться,
целоваться, и грустить.

Человек с рыбой

Робкой смотрится судьба,
из баллады пнув калитку,
нам принёс седой рыбарь
плавниковой меди слиток.

Навевает запах моря:
крики крачек, шёпот мойры,

веера латунных рыб,
«мёртвые узлы» судьбы…

Он неприхотлив, отчаян.
Сбито кубами лицо.
Взгляд искрится хитрецой —
«… дайте с осьминогом чарку!»
Льнут ко мне тумана хлопья,
кем подмочен мой табак?
А в глаза глядит судьба
в ризе бронзовых заклёпок.

К Талии

Безжалостных реплик с улыбкой тараны,
с капризною миной сарказма кивок,
иронии вызовы, шутки без меры,
метафор каскад, каламбуров поток.

То жало готовит искусный намёк,
то льстит пересмешник, то – горечь, то – мёд,

то задрапированные эпиграммы,
то иносказательных реплик тараны.

То гибкой сатиры сорняк – обиняк —
ветвится вьюнами к магнитным улыбкам…
Всё – Вы на подмостках расшатанных дня
и ночи – то фея, то – птица, то – скрипка.
Варьируя тембры, звучит монолог:
бурлеском[2] – бахвальство, патетика, пафос,
с тараном акцента, в полтона, легко,
и… чёрное с белым осмеяно красным.

[2] Бурлеск – трактовка наоборот, переиначивание, смешное – трагичными средствами, и т. д.

Талия[3]

Дебют интриги безупречной.
Ударил филин клювом в гонг.
Веселье будет бесконечным,
в бокалах подожжём огонь,

смешав с подвохами успех,
с лукавством провокаций – смех,

с лозой изысканнейшей речи
дебют интриги безупречной…

Как хорошо в одеждах длинных
вести за пальчики шута,
бросая терпкие маслины
в атласно-красный росчерк рта!
Вокруг рабы, особы, свечи,
играют карлики в войну…
Дебют интриги бесконечной
в таком изысканном плену!

[3] Талия – муза комедии и лёгкой поэзии.

Эльмира

В тупиках и разъездах попутных бесчисленных станций,
не копируя и представляя танцуемый стих,
появляется легким эскизом восточного танца
величавая чага, чтоб с разума напрочь свести.

Подражать могут только креплёные, старые вина.
Ей придумано имя тревожней ночного жасмина.

Осмотрелась, понравилась. Хочет чуть-чуть задержаться
в тупиках и разъездах попутных, мелькающих станций…

Остаётся вести диалог с уязвимостью смятой,
из ритмических выкладок формулы пальцем стучать,
отрицать очевидное, щёлкаться с невероятным,
пустоту заполнять посторонним, вторичность влача,
поджидать невозможное, путаться и отвлекаться…
Отвлекаться и путаться… Тратить впустую часы
в тупиках и разъездах попутных бесчисленных станций,
удаляясь, всё дальше от юности и чистоты.

Безответная реплика

Ты перешла на матовый картон.
(В художнике – философ и психолог.)
Рябина – в правой, в левой – камертон,
намёками сравнение с виолой.

Прозрачно то, о чём нельзя спросить.
Скользнула по лицу догадки нить.

Её инвариантностью потом —
как лигатура ляжет на картон…

Слетела фраза с губ… Молчок в ответ!
Теперь, иронизируя не плохо
то над собой, не проклиная свет,
то над кумиром бывшим, над эпохой,
импровизируй, юности канон!
Как гармоничны и просты твои наряды.
Ты перешла на матовый картон,
смутив мои надежды и порядки…

«Смотреть со стороны на всё…»

Смотреть со стороны на всё, на Свет,
на промысел губительных касаний,
на мужество в тени, и, в том числе,
на изыски взыскующих созданий!

Неутомимы: любопытство, поиск,
планеты ось, кружа, – магнитный пояс…

За всеми, посвященными в секрет,
следить умеет издавна поэт:

тот вдруг сражён сравненьем горячо,
тот жжёт улику, та гадает нитью.
Но вот – кровавый меч, с крылом плечо —
восторг и… смерть, весна и горечь… Ника!
Вот взгляд на эпилог любой войны —
под плач невест и смех морской Сирены,
она, как бы над всем, со стороны —
над предрешённостью углов и кренов.

Клио[4]

События спорных вяжет нити.
Прохладою наполнен взгляд.
В двойном кулоне: йод и яд
неотвратимости событий,

оккультной тайны порошок,
позывам страсти пряный сок.

Перебирает – быть-не быть —
как чётки узелками, нить.

Отточен властью каждый жест,
на Фатум списаны ошибки.
Она способна книги сжечь,
но прятать письмена в пожитках,
над детством бездну накренить,
величье махом уничтожить,
вязать событий спорных нить,
сплетая судьбы… Осторожно!

[4] Клио – «Дарующая славу», муза истории, хранитель памяти.

«Протяжно, внятно мраморное горло…»

Протяжно, внятно мраморное горло
смогло абстрактный слог произнести.
Виденьем в небо врос незримый город,
где был рождён наипервейший стих.

Гекзаметром, прочитанный катрен,
блуждает эхом у гранитных стен.

И слышатся слепые оговорки,
обрывки фраз из мраморного горла.

Здесь, всё ещё, танцующие краски
мерцают под хоры сквозных пещер
и светятся в легенды, мифы трассы,
и спит Психея в фосфорном плаще,
и призраку рубиновому вторит
подводный гул, тревожа память, и
звучат под ветром каменные горла,
и музы грезят прошлым в забытьи.

Танцующая Чёрная краска

При всех она, как и всегда, одна,
слегка надменна, как в гримёрной латы.
Скупа на слово. Вкрадчива. Тверда.
И сцена может превратиться в плаху.

За каждым третьим шагом – смена позы,
и с бельэтажа падает по розе.

Скульптурных замираний череда.
Немыслимо, – при всех она – одна.

Всё в сдержанности – предпочтенья, такт,
догадки гибкость, торжество в оправе.
Талантлива, как выверенный факт.
Сквозит на всё особенное право.
Оценка восхищенья не нужна,
ирония – мгновенно безответна.
И, как всегда, при всех она – одна,—
образчик, прима, мистика, примета.

Терпсихора[5]

Женщина-девочка. Муза поэта.
Имя, влетевшее в мой черновик.
Гибкая ветка, несомая ветром.
Душной метелицы чуткий двойник

с талией тоньше зенита весны,
с волей нервущейся звонкой струны.

Кто ты, остаться сумевшая вечной
женщиной-девочкой в облаке млечном?

Кто ты, поэзии вербная почка,
Лиры посланница, пленница жиг,
рвущая лень восприятия в клочья,
всех вовлекающая в миражи,
чтобы опутать волшебною нитью
профили, абрисы, выдержав темп,
женщиной-девочкою появиться
и навсегда улететь с «fouete»?

[5] Терпсихора – муза танца.

Затаённое дыхание

Раскладывая пальцев веера,
подсмотрим, как секрета иероглиф,
красноречиво складывая ноги,
влечёт в обманы как в позавчера.

Мы совершенствуем самосожженье,
впиваемся в скользящие движенья,

сдвигаем маски с лиц не первый раз,
раскладывая пальцев веера…

Но светится святая неподдельность
границы целомудрия, и я
хотел бы стать жасминовой метелью,
вернувшись снова из небытия.
Так отцветают чувства без ответа,
и дождь слепой нам дарит летний град…
Раскладывая пальцев веера,
глотаем миг лукавого секрета.

«Театр перераспределяет роли…»

Театр перераспределяет роли.
Но почитаемы не вывод и не суть,—
итоги зноя, инея, порою
украдкой поцелуй, и… Высший суд.

Из рощи муз как искус – звуки флейт,
шаги, октав начала, лепет фей,

эпиталамы множества героев,
где Рок перераспределяет роли…

Мы устаём от красоты смертельно.
Прекрасному – мучительный конец!
Как наслаждалось каменное тело,
когда блуждал в предплечиях резец!
Просеян твердью свет и благом пролит.
Не все в забвенье входят имена.
И жизнь перераспределяет роли.
И только смерть без времени и дна.

Эрато[6]

В гламурной позе вызов есть.
Черты лица не сломят: ревность,
пристрастия, намёком весть,
любимый образ – с плодом Ева.

Коварны вкрадчивые лиги
и контур тлеющей интриги.

Лукавство лепит каждый жест,
и в каждой позе вызов есть.

Умеет, обретясь наядой[7],
корить за эгоизм в любви,
желанья тайные ловить,
шептать с подвохом, мниться рядом,
скрывать умело лестью месть,
мерещиться в дымах картона…
В гламурных позах вызов есть,
лукавящий на четверть тона.

[6] Эрато – муза любовных песен.

[7] Наяда – нимфа, покровительница рек, озёр, ручейков, озёр…

В промежутке

Ласке откровенной сбыться можно.
Линии сползают в полумрак.
Локоны разбросаны на коже,
подражая росчеркам пера.

Черноплодной градины не вдруг
губы ловят бронзовую грудь…

Надоела быть стыдливость ложной.
Ласке откровенной сбыться можно.

Взгляды караулить не устанут
негативы тела при свечах.
Отшептались сброшенные ткани,
холодок пронёсся по плечам.
Камерная музыка поможет,
нимб из ежевики, пряный чай…
Ласке откровенной сбыться можно.
Отгорает пылкая свеча.

Жара

Не скупитесь, Легенда в венке эвкалиптовом – слог!
Изреченье, из гимна цитату, пожалуйста, – имя!
Белоснежный ракушечник стелется к очерку ног.
Мне на миг показалось, что я во владениях Рима.

Золотые плоды на ветвях загорелых предплечий.
Гармонических линий упругий задор безупречен.

Не скупитесь, и приподнимите предчувствий порог,
прошепчите, легенда под лавром, лепечущий слог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.